УДК 94(47).04
DOI: 10.24411/2311-603X-2018-00084

А. А. Калашникова

К вопросу о классификации русских судебных документов XV — первой половины XVI в.: правые грамоты и судные списки

За XV — первую половину XVI в. сохранилось 297 судебных документов: правых грамот и судных списков. Они включают информацию о предмете спора, истце, ответчике и судье, показания свидетелей, копии документов, представленных в качестве доказательств на суде и (некоторые из них) решение по делу. В XV–XVI вв. функции, а также названия правой грамоты и судного списка смешивались, что делает актуальной их научную классификацию. Судный список (далее — Сс) являлся протоколом судебного разбирательства и был необходим для вынесения решения по делу. На основе Сс составляется докладная правая грамота (далее — ДПГ), фиксировавшая решение по делу.

Можно подумать, что Сс, после того как на его основе составлялась ДПГ, теоретически был уже не нужен, а было нужно лишь решение по делу, т.е. сама ДПГ. Но до наших дней сохранилось относительно много Сс (62 грамоты), и не только в оригиналах вместе с текстом правых грамот, но и в копиях, поскольку их, видимо, на всякий случай копировали (как и правые грамоты, а иногда и отдельно от них) в монастырские копийные книги. И действительно, Сс оказывались иногда полезны и даже заменяли в судебной практике правые грамоты. Примером такой ситуации является судебное разбирательство конца XV в. между Симоновым монастырем и землевладельцами Карповыми детьми Булгакова[1]. Монах Федор, представляющий монастырь в суде, представил в качестве доказательства Сс 1472 г., который сохранился до наших дней, причем Федор называл этот судный список правой грамотой, хотя он ею не являлся.

В. А. Федотов-Чеховский впервые подчеркнул значимость этого вида источников для изучения гражданского права, а также разделил судебные документы на две группы — правые грамоты и судные списки[2]. Подробную классификацию судебных документов предложил Д. М. Мейчик. Он разделял правые грамоты на простые и докладные. Обращая внимание на внешнюю форму документов, Д. М. Мейчик группировал судные списки в зависимости от расположения текста о принятии итогового решения по делу (процедуры доклада) на грамоте. Так, он выделял докладные и подписные судные списки. Докладные судные списки, согласно этой классификации, содержали описание процедуры доклада на обороте судного списка, тогда как подписные — на лицевой стороне грамоты[3].

Для различия Сс и правой грамоты ключевым является понятие доклада. Но прежде оговоримся, что не каждое дело отправлялось для вынесения решения на доклад. Если судья обладал необходимыми полномочиями, которые диктовал ему социальный и служебный статус, он самостоятельно выносил решение на месте. В этом случае составлялись правые грамоты без доклада. Будем называть их далее ПГ. Если же судья, начавший разбирать дело на месте, из-за нехватки полномочий или сложности дела не мог сам вынести решение, он отправлял его в Москву на доклад. Доклад мог принимать сам великий князь или другие лица, но очевидно, что статус этого судьи, принимавшего доклад, всегда был выше статуса судьи, отправившего дело на доклад. Как уже было сказано, на доклад посылался Сс — протокол первоначального разбирательства. Его назначением было дать ход делу и объяснить обстоятельства спора судье, принимавшему доклад. Этот судья выносил решение по делу и приказывал судье, от которого он получил Сс, вынести тот или иной приговор. В этом случае принятое решение (доклад) записывалось прямо на Сс, который затем отсылался назад судье, начавшему разбирательство. Этот первый судья составлял ДПГ, включавшую описание всех трех стадий процесса: первоначальное разбирательство на месте, доклад и приговор. И ПГ, и ДПГ составлялись в одном экземпляре, который вручался стороне, выигравшей дело.

Случаи, когда от одного дела сохранились и Сс, и ДПГ, редки. Примером может стать обнаруженное нами разбирательство 1498/99 г. между Симоновым монастырем и крестьянами Федоском, Матвейком и Остапком Исаковыми детьми Башлова, которое разбирал Владимир Гаврилов сын Зверева[4]. Оно сохранилось в составе копийной книги Симонова монастыря 1666 г. (ОР ГИМ. Сим. № 58. Л. 246 об. — 249 об.; 269 — 272 об.). Различается начальная формула Сс и ДПГ: «Став судья великого князя Володимер Зверев на земле на Реткинской...» в Сс и «по государеве грамоте великого князя Ивана Васильевича всеа Русии сий суд судил Володимер Зверев, став на земле на Реткинской...» в ДПГ.

В тексте Сс сообщается о том, что князь Василий Иванович Голенин, принимавший доклад, велел приложить к Сс свою печать. Переписчик XVII в. упомянул, что такая печать действительно была прикреплена к оригинальному Сс. Переписчик, копировавший ДПГ, называет ее Сс и отмечает, что к ней приложена черная печать: «Печать у подлинного судного списка черная». Вероятно, это была печать Владимира Гаврилова сына Зверева, но фраза о печати Голенина, повторенная в копии ДПГ как составная часть Сс, также там сохранилась.

Можно предположить, что Сс продолжали хранить в монастырских архивах затем, что при необходимости подтвердить те или иные права предъявлялись именно ПГ и ДПГ в подлиннике, отчего они ветшали, а иногда их посылали в Москву, где они могли затеряться. По этой же причине в копийные книги включались копии и Сс, и ДПГ по одним и тем же делам, причем они могли располагаться не друг за другом, а в разных частях рукописи.

В тех случаях, когда дело решалось на месте и не передавалось на доклад, составлялась ПГ, а Сс, видимо, не составлялся: не существует случаев, когда от дела, которое не передавалось на доклад, сохранился бы Сс. Как уже было сказано, разбиралось ли дело на месте или отправлялось на доклад, это зависело от статуса судьи, от объема его полномочий. Так, в конце XV — начале XVI в. проводились земельные описания, и лица, составлявшие такие описи, имели полномочия решать земельные дела на месте без доклада.

Помимо содержательных признаков у Сс как вида судебной документации есть и внешние отличительные признаки. Сс, особенно часть, посвященная описанию процедуры доклада, часто имеет признаки чернового письма. Кроме того, Сс всегда запечатывался печатью судьи, принимавшего доклад, как это было в вышеприведенном случае с печатью Василия Ивановича Голенина. Иногда печать крепилась посередине грамоты — прямо на том месте, где помещался протокол доклада. Примером тому служат три Сс из собрания РГАДА: 1509 г. спор о Тумодеевском бортном лесе на реке Пьяне между великокняжескими бортниками и архимандритом Печерского монастыря Ильей (РГАДА. Ф. 281. № 7943); Сс 1536 г. суда подьячего Михайло Иванова сына по делу о спорных землях между помещиками Федором и Никитой Ивановыми детьми Чюлкова и слугой Троице-Сергиева монастыря Матфеем Ивановым сыном Малого (РГАДА. Ф. 281. № 1179); Сс 1540 г. суда данных судий Володи Клементьева сына Малцова, кестемского поселского Некраса Иванова сына Петрова, Плохого Никифорова сына по делу о лугах по реке Кестме между крестьянами Шипинского села и Симоновым монастырем (РГАДА. Ф. 281. № 12852). Это было необходимо для удостоверения подлинности грамоты и подлинности решения по делу, которое принималось на докладе. Между тем Сс, отправляемый на доклад, печатью не запечатывался. Он прочитывался вслух во время доклада в Москве, и участники процесса, которые также присутствовали лично, должны были подтвердить его подлинность. ПГ и ДПГ, напротив, всегда запечатывалась печатью судьи, выносившего решение по делу. Поэтому Сс не мог быть

превращен в ДПГ просто путем дописывания под процедурой доклада решения по делу; ДПГ всегда писалась заново на основе Сс, к которому добавлялось решение по делу.

Итак, существует два вида судебных документов, подводящих итоги судебной тяжбе: ПГ и ДПГ[5]. Сс нельзя считать самостоятельным юридическим документом, он отражает лишь промежуточную стадию судебного процесса, хотя встречается и в составе ДПГ (как часть ее текста), и отдельно. В случае ПГ протокол судебного разбирательства вообще не мог быть оформлен в виде отдельного текста вне ПГ. Мы предлагаем все сохранившиеся судебные документы классифицировать исходя из указанных выше категорий. Самоназвания документов, а также определения, встречающиеся в заголовках копийных книг XVI–XVII вв., не могут служить ориентиром, хотя в ряде случаев за ПГ на этом основании закрепилось название «судный список». Рассмотрим девять таких случаев.

1. ПГ 1503 г. суда вологодского писца Федора Федоровича Липятина, данная крестьянам Кирилло-Белозерского монастыря Симанику Гридину и Федору Степанову на сечу деревни Демьянцевской, бывшую в споре с Полункой Микифоровым и Афанасом Левиным. Сохранилась в подлиннике (ОР РНБ. Ф. 532. Оп. 1. № 81)[6].

Дело разбиралось Федором Федоровичем Липятиным на месте без доклада, он же вынес решение по делу, после которого приведен список присутствовавших на суде «судных мужей». На грамоте находится печать с изображением головы быка без подписи. В каталогах А. И. Андреева и Г. П. Енина данная грамота обозначена как ПГ[7], а в АСЭИ она характеризуется как Сс. Такие формальные критерии, как наличие приговора судьи, начавшего разбирательство, и отсутствие упоминаний о передаче дела на доклад, несомненно, позволяют классифицировать грамоту как ПГ.

Сохранилось еще два земельных дела, которые разбирал судья Липятин. ПГ 1503 г., данная Ивану Леонтьеву сыну Злобина на деревни Михалево и Минцево, бывшие в споре с Лоскомским старостой Оброском Кузминым, и ПГ 1503 г., данная Ивану Осколку Иванову сыну Кострова на земли сельца Ермолинское, деревню Нестерово, починок Дорок, бывшие в споре с Сенкой Макаровым сыном Ермолова[8]. Все грамоты дошли до нас в подлиннике, датируются одним и тем же годом, 1503, совпадающим с годом описания вологодского уезда, дела были решены судьей на месте без доклада. На ПГ Кострова также сохранилась небольшая черновосковая печать с изображением головы быка без надписей. Можно предположить, что эта печать принадлежала писцу Липятину, что также свидетельствует о том, что ни одну из этих грамот нельзя определить как Сс, но только как ПГ.

2. Список с ПГ 1478/79 г. суда митрополита Геронтия, данной князю Михаилу Андреевичу по делу с Ростовским архиепископом Вассианом о подсудности Кирилло-Белозерского монастыря. Сохранился в составе монастырской

копийной книги (ОР РНБ СПбДА. А I/17. Л. 1867 об. — 1868 об.)[9]. И. А. Голубцов в АСЭИ характеризует его как Сс, а в каталоге Г. П. Енина он обозначен как ПГ[10]. Исходя из изложенных выше критериев, это, бесспорно, ПГ. Но И. А. Голубцов специально пояснял, что данную грамоту нельзя называть ПГ, поскольку из летописи (Софийская I под 6987, Никоновская и Воскресенская под 6986) известно, что решение митрополита Геронтия было оспорено ответчиком архиепископом Вассианом и пересмотрено в его пользу. После этого правая грамота, выданная ранее Михаилу Андреевичу, была у него отобрана и разорвана. Это обстоятельство действительно требует обдумывания и пояснения, но на определение данной грамоты как ПГ оно не влияет. Очевидно, следует признать, что в Кирилло-Белозерском монастыре хранилась и даже переписывалась в копийные книги грамота, которая, согласно летописям, была уничтожена, тогда как новая грамота, по которой Кирилло-Белозерский монастырь был подсуден ростовскому архиепископу, не сохранилась. Представляется, что данный казус может использоваться и для обсуждения вопроса о достоверности тех летописных сообщений, которые представляются заслуживающими доверия лишь на том основании, что в них упоминаются конкретные грамоты, как в указанном случае с сообщением Софийской I.

3. Некоторые судебные акты сохранились только в поздних списках, часто в единственном экземпляре в составе монастырских копийных книг, в которых иногда присутствовали элементы описания грамот: указывалось наличие или отсутствие печати у грамоты, иногда присутствовал заголовок. В таких заголовках в копийных книгах ПГ иногда характеризуются как Сс или даже называются «разъезжими грамотами».

Список с ПГ конца 1430-х — начала 1440-х гг. суда князя Дмитрия Юрьевича (неясно, идет речь о Дмитрии Шемяке или Дмитрии Красном), данной поселскому старосте Присецкого села Троице-Сергиева монастыря старцу Василиску Пьяницыну на деревни Пластилово, Заозерье, Толстиково, Оденинское, бывшие в споре с крестьянами Конаником, Гридкой Филеневым и Васком Харисовым. Список 30-х гг. XVI в. в составе копийной книги Троице-Сергиева монастыря (ОР РНБ. Ф. 588. № 1846. Л. 1 об. — 2). Перед текстом грамоты заголовок: «Список с судного списка на Пластилово да на Денинскою деревню и в Заозерие». В публикации С. М. Каштанова значится как Сс, хотя имеет все признаки ПГ[11].

4. Список с ПГ 1470-х гг. суда углицкого князя Андрея Васильевича, данной посельскому старосте села Присеки Троице-Сергиева монастыря Тимофею на деревни Неверово, Клоково, Куракино, бывшие в споре с Зиновком Родивонковым сыном Рылова, его братом Тимошкой и Гридкой Филиповым, из той же копийной книги Троице-Сергиева монастыря (ОР РНБ. Ф. 588. № 1846. Л. 1 — 1 об.). Заголовок: «Список с судного списка на Неверово да на Клоково». Опубликована С. М. Каштановым как Сс, хотя имеет все признаки ПГ[12]. Отметим в этой связи, что удельные князья никогда не передавали дела на доклад, а значит, от их имени и не могли составляться Сс, напротив, они или выступали

в роли лиц, принимающих доклад, или решали дело самостоятельно, так как являлись высшей судебной властью в своем уделе.

5. Список с ПГ 1503/04 г. суда писца Василия Григорьевича Наумова «с товарищами», данной старцу Симонова монастыря Ивоне Рублю на пожни Долгую и пожни по реке Шексне, бывшие в споре с крестьянами Якушом Игнатовым сыном Застовым и Соболем Михайловым сыном. Список 1666 г. в составе копийной книги Симонова монастыря (ОР ГИМ. Сим. № 58. Л. 842–844). Последняя фраза: «У подлинного судного списка печать черная»[13]. То есть при копировании грамота воспринималась как Сс, и эта характеристика повторена при публикации[14].

6. Список с ПГ 1497/98 г. суда писца Константина Григорьевича Заболоцкого, данной поселскому старосте Троице-Сергиева монастыря Игнату на селище Медвежье, бывшее в споре с крестьянами Фофаником, Пашком, Никоником и Куземкой. Список в составе копийной книги Троице-Сергиева монастыря середины XVI в. (ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 518 Л. 114 — 115 об.)[15]. Решение по делу выносил судья Заболоцкий, не докладывая его великому князю. Приговор судьи сопровождается мотивировкой, за ним следует перечень «судных мужей», присутствовавших на заседании. В копийной книге перед текстом грамоты заголовок: «Список с судного списка на Медвежье селище», благодаря которому ПГ воспринимается как Сс.

7. Список с ПГ 1501/1502 г. суда костромского писца Григория Романовича Застолбского, данной старцу Троице-Сергиева монастыря Гавриилу на пожню Вепреки, бывшую в споре с крестьянами Нерехотского погоста Петроком Шадриным, Давыдко Гордеевым и Якимком Сергеевым. ПГ дошла в составе копийной книги Троице-Сергиева монастыря (ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 518. Л. 299 об. — 301 об.)[16]. Снабжена заголовком: «Список с розъежжие на пожню», хотя данная грамота не является разъезжей, поскольку в ней не упомянут отвод земель.

8. Список с ПГ 1501/1502 г. суда костромского писца Григория Романовича Застолбского, данной старцу Троице-Сергиева монастыря Гавриилу на кладище для дров, бывшее в споре с Климом Безгачим. Сер. XVI в., в составе копийной книги Троице-Сергиева монастыря (ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 518 Л. 301 об. — 303)[17]. Как и в случае с предыдущей грамотой, перед текстом ПГ помещен заголовок, называющий грамоту «разъезжей».

9. Список с ПГ 1498–1499 гг. суда князя Василия Ивановича Голенина, данной поселскому старосте Лужовского села Чудова монастыря Васюку Семенову сыну на землю села Лужки, бывшую в споре с крестьянином Куземкой Олешиным сыном Крюковского. Список 1672 г. (РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Москве. Д. 295/32755)[18]. В предисловии к издаваемым актам А. В. Антонов и К. В. Баранов называют грамоту правой, а в заголовке публикации она характеризуется как Сс[19].

Особенно часто путаница в определении вида грамот, как видим, возникала при их копировании в копийные книги. Не случайно из девяти случаев,

приведенных выше, лишь в одном мы имеем дело с ПГ, сохранившейся в подлиннике. Описание копируемых грамот носило инвентаризационный, а не исследовательский характер. Переписчики, копируя документы столетней давности, обычно следовали самоназванию оригинальной грамоты. Можно смело предположить, что они не слишком разбирались в тонкостях судопроизводства и не считали разницу между ПГ и Сс принципиальной.

В шести из девяти рассмотренных нами случаях в качестве судьи выступали писцы, посланные для составления государственных описаний земли (эти «писцы», в отличие от писцов-клерков, были влиятельными людьми, хотя и назывались одинаково с последними): Василий Иванович Голенин, Григорий Романович Застолбский, Федор Федорович Липятин, Константин Григорьевич Заболоцкий, Василий Григорьевич Наумов — все они описывали уезды московского княжества (московский, костромской, вологодский, владимирский, белозерский), параллельно разбирая земельные споры, возникавшие в ходе описания. Судьи такого статуса всегда именуются в грамотах по имени и отчеству; они имели полномочия решать дела на месте, без доклада великому князю или его уполномоченным. Таким образом, большое количество сохранившихся ПГ конца XV — начала XVI в., возможно, объясняется проводившимися в это время массовыми земельными описаниями.

[1] Правая грамота 1490–1500/01 г. суда писца Василия Михайловича Чертенка-Заболоского, данная старцу Федору и поселскому Куземке Симонова монастыря на земли у деревень Кузнечково и Сорожик, бывшие в споре с Иваном Карповым сыном Булгаковым и его братьями // Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. М., 1958. Т. 2. № 406. Далее — АСЭИ.

[2] *Федотов-Чеховский В. А.* Речи, произнесенные в торжественных собраниях Харьковского и Киевского университетов. Киев, 1884.

[3] *Мейчик Д. М.* Грамоты XIV и XV вв. Московского архива Министерства юстиции: Их форма, содержание и значение в истории русского права. М., 1883. С. 25–53. Мы не видим необходимости в выделении разных видов судных списков, поскольку вынесение доклада на оборотную сторону грамоты не связано с судебной процедурой. Не существует какой-либо устойчивой связи между помещением текста процедуры доклада на лицевой стороне грамоты или на ее обороте и содержанием дела. Кроме того, разделение судного списка на докладной и подписной по аналогии с правыми и докладными правыми грамотами подразумевает, что подписной список докладным не являлся, а это не так, он тоже проходил через процедуру доклада.

[4] АСЭИ. Т. 2. № 418, 419. Еще один случай ДПГ и Сс по одному и тому же делу суда Владимира Гаврилова сына Зверева о селище Зеленево, бывшем в споре между старцем Троице-Сергиева монастыря Исаией и князем Иваном Константиновичем Оболенским см.: АСЭИ. Т. 1. № 607, 607а.

[5] Мы намеренно не упоминаем здесь бессудные правые грамоты, которые фиксировали решение по делу, вынесенное без прения сторон.

[6] АСЭИ. Т. 2. № 306.

[7] *Андреев А. И.* Краткая опись грамот, хранящихся в рукописном отделении Российской Публичной библиотеки. Пг., 1923. № 71. С. 13; *Енин Г. П.* Каталог древнерусских грамот, хранящихся в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. СПб., 1992. № 83. С. 34.

[8] АСЭИ. Т. 2. № 307; Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 3. С. 38. Далее — РД.

[9] АСЭИ. Т. 2. № 315.

[10] *Енин Г. П.* Каталог древнерусских грамот... № 1846. С. 317; АСЭИ. Т. 2. С. 281–282.

[11] *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970. № 6. С. 348.

[12] Там же. № 27. С. 387.

[13] АСЭИ. М., 1964. Т. 3. № 478. С. 464.

[14] В АСЭИ грамота характеризуется как Сс. См.: АСЭИ. Т. 3. № 478. Позднее в РД определена как ПГ. См.: РД. М., 1997. Вып. 2. С. 142.

[15] АСЭИ. Т. 1. № 615. С. 527.

[16] АСЭИ. Т. 1. № 639.

[17] АСЭИ. Т. 1. № 640.

[18] *Антонов А. В., Баранов К. В.* Неизвестные акты XIV–XVI в. из архива московского Чудова монастыря // РД. Вып. 2. № 8. С. 15–19.

[19] Там же. С. 7.

References

CHEREPNIN L. V. *Russkije feodal'nyje arkhivy XIV–XV vv.* [Russian feudal archives of the 14th–15th centuries. In Russ.] Moscow: Izdatel'stvo akademii nauk SSSR, 1956. Vol. 2.

IVINA L. I. *Sudebnyje documenty i bor'ba za zeml'u v russkom gosudarstve vo vtoroi polovine XV — nachale XVI v.* [Judicial documents and the struggle for land in the Russian state in the second half of the 15th — beginning of 16th centuries. In Russ.] // *Istoricheskie zapiski.* 1970. N 86. P. 326–356.

KALASHNIKOVA A. A. *K voprosu o primenenii norm Sudebnika 1497 goda* [On the issue of the Law Code's of 1497 implementation. In Russ.] // K. V. Petrov (Ed.). Grani russkogo srednevekov'ja: sbornik statej k 90-letiju Jurija Georgievicha Alekseeva. Moscow: Drevlehranilishhe, 2016. P. 15–33.

KASHTANOV S. M. *Ocherki russkoj diplomatiki.* [Essays on Russian diplomatics. In Russ.]. Moscow: Nauka, 1970.

KLEIMOLA A. M. *Justice in Medieval Russia: Muscovite Judgment Charters (Pravye Gramoty) of the Fifteenth and Sixteenth Centuries // Transactions of the American Philosophical Society.* 1975. N 6. P. 1–93.

MEICHIK D. M. *Gramoty XIV i XV vv. Moskovskogo arhiva ministerstva justitsii: ih forma, soderzanije i znachenije v istorii russkogo prava.* [Charters from the 14th and 15th centuries in the archive of the Department of Justice in Moscow: their form, content and value for the history of Russian law. In Russ.]. Moscow: Tipografija L. F. Snegireva, 1883.

PETROV K. V. *Znachenije "zakona" v sradnevekovom russkom prave XVI–XVII vv.* [The meaning of 'law' in Russian medieval law of the 16th–17th centuries. In Russ.]. // *Cahiers du monde russe.* 2005. N 1–2. P. 67–174.

Список литературы

Ивина Л. И. Судебные документы и борьба за землю в русском государстве во второй половине XV — начале XVI в. // Исторические записки. 1970. № 86. С. 326–356.

Калашникова А. А. К вопросу о применении норм Судебника 1497 года // Грани русского Средневековья: Сборник статей к 90-летию Юрия Георгиевича Алексеева / Ред. К. В. Петров. М., 2016. С. 15–33.

Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. М., 1970.

Мейчик Д. М. Грамоты XIV и XV вв. Московского архива Министерства юстиции: Их форма, содержание и значение в истории русского права. М., 1883.

Петров К. В. Значение «закона» в средневековом русском праве XVI–XVII вв. // Cahiers du monde russe. 2005. № 1–2. С. 167–174.

Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М., 1951. Ч. 2.

Kleimola A. M. Justice in Medieval Russia: Muscovite Judgment Charters (Pravye Gramoty) of the Fifteenth and Sixteenth Centuries // Transactions of the American Philosophical Society. 1975. N 6. C. 1–93.

А. А. Калашникова. К вопросу о классификации русских судебных документов XV — первой половины XVI в.: правые грамоты и судные списки

За период XV — первой половины XVI в. сохранилось около трехсот судебных документов: судные списки, правые грамоты, докладные правые грамоты. Большая часть из них давно введена в научный оборот, однако научная классификация этих документов не была выработана. Самоназвание судебных документов и особенно их описания, встречающиеся в монастырских копийных книгах, иногда вводят исследователей в заблуждение. В статье представлены критерии классификации судебных документов и случаи, когда за грамотами в литературе закрепляется неверное определение.

Ключевые слова: правые грамоты, судные списки, судебная система, источниковедение, Московское княжество XV в.

A. A. Kalashnikova. On the issue of the 15th — the first half of the 16th centuries. Russian judicial documents' classification: judgement charters and trial records

From the 15th — the first half of the 16th centuries survived approximately 300 Russian judicial charters: judgement charters and court records. The great majority of them are well-known sources; however there is still no classification of judicial documents. Self-name of medieval documents as well as medieval descriptions that accompanied copies of the charters sometimes could be misleading. In the paper classification criteria as well as cases of charters' type misinterpretation are presented.

Key words: judgement charters, trial records, judicial system, source study, 15th century Muscovy.

Калашникова, Ангелина Анатольевна — аспирант Санкт-Петербургского института истории РАН.
Kalashnikova, Angelina Anatol'evna — PhD student in the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: carpenterson@yandex.ru

УДК 94(47).084.5
DOI: 10.24411/2311-603X-2018-00085

О. П. Илюха

«Пионеры не боятся волков»: метафора внешней угрозы в текстах для детей 1920–1930-х гг.*

Образ волка имеет в фольклорной и литературной традиции двойственный характер с преобладанием негативных черт. В представлениях многих европейских народов он в основном предстает как воплощение вредоносной и враждебной человеку стихии[1]. Сказки и были о волках — обитателях российских лесов, нередко изложенные с нотой сочувствия, широко тиражировались русским дореволюционным книгоизданием[2]. В 1920-х гг. художественное осмысление разворачивавшихся социальных катаклизмов сделало необычайно востребованной «знаковость» волка как врага, человеконенавистника. В официальной советской культуре 1920–1930-х гг. образ волка актуализируется именно со стороны его негативных черт, как обозначение умного и жестокого врага, готового в любой момент растерзать свою жертву. Врагам — кулакам, монахам и другим остаткам старого мира — «белым волкам», «сбивавшимся в стаи» под натиском красной силы, следовало «прижать хвост», как это звучало в написанной для детского театра пьесе П. Яльцева[3].

Одна из первых советских книг, предназначенных детям, где метафора волка-врага содержится в самом названии, вышла в 1924 г. Это повесть В. Дорохова «Белые волки» — о зверствах армии Колчака в Сибири. Эмоционально

* Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр РАН». Регистрационный номер темы АААА-А18-118030190093-9.